Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Звезда“

Литературное приложение

к газете „ЗВЕЗДА“

под редакцией М. Кривицкого.

В НОМЕРЕ:

№ 1. МИНСК 9 января 1923 г. № 1.

—) ОТ РЕДАКЦИИ. (—

Целый ряд газет сейчас начинает издавать литературные приложения.

Необходимость их продиктована самой жизнью. Беллетристические произведения и журналы читаются так, как уже давно не читались. Литературные вечера собирают большую аудиторию и т. д.

Мы ставим себе двоякую задачу.

Во первых, пойти навстречу читательской массе и посильно удовлетворить ее возросший интерес к литературе помещением литературных произведений и статей о выдающихся явлениях литературы и искусства.

Во вторых, придти на помощь молодым начинающим писателям и поэтам советом и помещением лучших произведений их.

Перед литературным приложением стоят еще и другие задачи, о которых сейчас говорить не будем, но будем их выявлять и разрешать в процессе работы.

Редакция.

* *
*

Матвей Миронов.

На улицу!
Срывайте маски!
Оголяйте слово
И краски!

* *
*

На улицу
С чумазой оравою
Вышел рабочий Бова
И выпустил на улицу
Неумытые и корявые
Слова.
И слова.
Сбитые в песню
Молотом багровым
Встречены улицей
Радостным ревом.

* *
*

Бредут офицеры искусства
С видом побитых болонок,
Запрятав гордые чувства
В конурки своих душонок.
Эй, ученые стихогоны
И патентованные барды
Плачут ваши золотые погоны
И офицерские кокарды!
Плачут—
—Ядрена палка!
Пусть плачут—
не жалко.

Л. Гинзбург.

Парижским коммунарам.

(Первая месса из цикла „Героические мессы“.

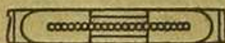
Бью
В гору вспухших животов—
Гигантский барабан,
Мокаю пачки белых флагов—
Лоскутов
В кровавый чан!

———

Поблеклый, тусклый небосвод
Рассвет кроваво мажет,
Куда зовет сиреною завод,
В изысканный бульвар дохнувши
Едкой сажей.
Послушаем его—он старый (он живет
Уже с полсотню лет),
А может быть и старше,
Он строю баррикадному сирот
Учил под лязг машинных маршей.
Отмойте краску стен Монмартра и
Бельвиля,
И толстый слой
Расплеснутых мозгов
Расскажет вам чудовищные были
Былых годов.
Разроемте фундаменты домов
И под узорчато-расписанным
Паркетом
Мы этих былей сотни—
Тысячи томов
Найдем с закладками из высохших
Скелетов.
Патроны улиц—
В обойму Пер-ля-шез,
У бомбардиров лет
С людской начинкою гранаты,
Мечите, бомбардиры месть,
Расплескивайте месть
Под „Стену Федератов“!
Нет траурных цветов,
Один лишь красный цвет,
Внук здесь справляет
Героическую мессу.
На той земле,
Где был схоронен дед,
Бессмертный
И бессмертье давший Пер-ля-шезу.

———

Бью
В гору вспухших животов—
Гигантский барабан,
Мокаю пачки белых флагов
Лоскутов
В кровавый чан!

К. Пиотровский.

Мои воспоминания о декабрьских днях 1905 г.

ОЧЕРК

7 декабря 1905 г., в день об‘явления всеобщей политической забастовки, вся Москва замерла: остановился водопровод, прекратилось электрическое и газовое освещение, остановились трамваи и железные дороги и т. д. и т. д., словом, все погрузилось в мрак и надвигалось что то страшное, жуткое и, вместе с тем, очень интересное. Все ждали событий с напряженным вниманием и трепетом.

В 10 ч. веч. в здании реального училища Фидлера происходило заседание железнодорожного союза, я был делегатом от Московско Виндаво-Рыбинской ж. д. На этом заседании было постановлено прекратить всякое движение поездов по железным дорогам и пропускать лишь одни поезда санитарные с Дальнего Востока и поезда с войны с запасными чинами.

Так и было сделано. Пассажирские поезда совершенно прекратили свое движение, а воинские и санитарные благополучно доходили до Москвы. Но тут было обращено внимание комитета железнодорожного союза, что прибывающие в Москву войска сейчас же становятся на сторону правительства и своими силами способствуют кровавому подавлению начавшегося забастовочного движения. Поэтому получалось впечатление, что комитет своим постановлением как бы способствовал тем самым противнику побить себя, подвозя к нему активную силу.

Тогда было созвано новое собрание, с участием представителей всей Московской железнодорожной сети, на котором было вынесено новое постановление разоружать войска, направляющиеся в Москву по Московско Казанской железной

дороге. Обязанности разоружения взял на себя люберцовский комитет.

Для этой цели на станции Люберцы останавливали каждый поезд дружинники в количестве 10—15 человек и обращались к старшему офицеру с предложением сдать свое оружие, а также и оружие солдат. В противном случае, грозили отцепить паровоз и поезда дальше не пропускать.

Желание солдат возвратиться скорей к себе домой было настолько велико, а каждое промедление в пути вызывало злобу и раздражение, что в большинстве случаев весь поезд беспрекословно отдавал свое оружие и после этого благополучно достигал Москвы. Конечно, были случаи, что офицеры отказывались сдать оружие, тогда солдаты уговаривали их не задерживать поезда и подчиниться требованию дружинников.

Были и такие случаи: однажды в Люберцах остановился санитарный поезд. Потребовали сдать оружие. Все сдали, и на вопрос дружинников--нет ли еще чего-нибудь в вещах, офицер ответил, что ничего нет и просил не обыскивать. Только один солдатик отвел в сторону дружинника и сказал ему:—„Соврал он, полный цейхгауз оружия!".—После этого, комитет потребовал отпереть цейхгауз и, не смотря на сильные протесты коменданта поезда, цейхгауз был открыт, и там нашли много патронов и ружей.

Был и противоположный рассказанному случай. В одном солдатском вагоне были 4 офицера. После предложения сдать оружие офицеры ответили, что у них нет оружия. Дружинники не поверили и решили сейчас же их обыскать. Тогда солдаты обратились к ним со словами:—„Господа, мы просим вас не обыскивать наших офицеров и даем слово, что у них нет оружия. Это—наши любимые офицеры, они едут с нами в одном вагоне, и если вы не поверите нашему заявлению и станете обыскивать, то этим оскорбите нас"—Обыска не было.

Некоторые же поезда дружинники держали на станции иногда целые сутки, пока офицеры не соглашались сдать оружие. Насилий над личностью и угроз смерти или избиений не было.

Наоборот, дружинникам приходилось бороться с местным хулиганством. В поезд проникали темные личности, другими словами говоря, любители легкой наживы, и, под видом дружинников, воровали вещи и вымогали деньги. В таких случаях дружинниками приходилось принимать следующие меры: к каждому вагону к площадке приставляли по одному дружиннику, который проверял документы и никого из посторонних не впускал в поезд.

Одна часть дружинников, во главе с комитетом, занималась разоружением солдат и отправкой отобранного оружия в Москву, а другая часть дружины с оружием в руках защищала баррикады на улицах Москвы и около Московско-Казанского вокзала, а также калитки, выходившие с полотна дороги на улицу.

Сражения происходили по ночам, до самого рассвета. Утром большая часть дружины с приготовленным для нее поездом уезжала отдыхать на станцию Перово или Люберцы. После отдыха дружинники возвращались обратно в Москву и опять сражались на баррикадах.

14 декабря, по прибытии на станцию Люберцы, дружинники узнали, что прибыли из Москвы на конях казаки и остановились в Люберцах. Тогда, не теряя ни минуты, с тем же поездом, они уехали на станцию Фаустово, где и оставались до вечера; казаки же пробыли в Люберцах несколько часов, а затем уехали в Москву.

После ухода из Люберцов казаков—в Фаустово, на паровозе, прибыл помощник начальника станции т. Смирнов, потом убитый палачем полковником Риманом, и сообщил дружинникам о возвращении в Москву казаков и о распоряжении комитета, чтобы они немедленно ехали в Москву защищать станцию Москва, которую занимают семеновские солдаты.

Тогда было дано машинисту распоряжение ехать в Москву. Проехав сортировочную и не доезжая одной версты до станции Москвы, около здания женской Покровской общины, поезд был обстрелян из пулеметов, поставленных на товарные платформы. Поезд с дружинниками шел полным ходом и управлял им очень опытный машинист; когда раздалась пальба по поезду из пулеметов, машинист дал контр-пар; одну минуту поезд приостановился, а затем стал уходить задним ходом, развивая все большую и большую скорость. В этом поезде ехал и я, как делегат от Московско-Виндаво Рыбинской железной дороги. Во время пальбы из пулеметов был убит 1 дружинник и несколько человек ранено.

Доехав до станции Перово, тяжело раненые были помещены на излечение в конспиративные квартиры, а мы, малыми группами в 2—3 человека, добрались до Москвы и каждый из нас занял свои посты.

Замечу, между прочим, что во время обезоруживания дружинниками воинских и санитарных поездов был случай, когда 27 матросов сошли с поезда, присоединившись к Московской дружине и, переодевшись в штатское платье, ездили вместе с дружинниками в поезде сражаться каждый вечер к Мозжухинской калитке, где стояла сотня казаков. Эта калитка расположена недалеко от бывшей фабрики Мозжухина и имеет выход на полотно железной дороги.

Однажды, во время засады семеновского отряда, недалеко от Мозжухинской калитки, поезд со всей дружиной и упомянутыми матросами, был почти в руках солдат-семеновцев, но благодаря хладнокровию машиниста т. Ухтомского, присутствию матросов и нескольких человек солдат, переодетых в штатское платье, все дружиники, и я в том числе, избежали опасности. Стреляли пулеметы, прострелили водяной и нефтяной баки, и все содержимое из них утекло, прострелили весь паровоз, но паровые трубы остались целы, и на остатках пара в паровозе все таки поезд ушел из рук семеновского отряда. Из дружинников был убит тов. Алферов, и человек семь-восемь получили легкие поранения. Спасла нас от смерти находчивость матросов, скомандовавших ложиться на пол. Пулеметы, поставленные на определенную высоту обстрела, не причинили нам вреда, хотя буквально изрешетили стенки вагонов. Поезд благополучно прибыл в Перово, а оттуда, все мы возвратились на баррикады в Москву.

Баррикады на Тверской, Большой Дмитровке, на Садовой и других улицах Москвы были уже взяты царскими войсками. Сражения происходили еще на Пресне и около Московско-Казанского вокзала. 15-го декабря был занят вокзал семеновскими солдатами и с этого числа началось их карательное движение по линии Московско-Казанской железной дороги.

Весь путь от станции Москвы до станции Голутвино был обильно полит человеческой кровью.

Карательная экспедиция лейб гвардии Семеновского полка мстила трудовому народу за все его стремления к свободе. Эту месть блестяще выполняли 18 царских офицеров Семеновского полка, под командой негодяя и лютого зверя—полковника Римана.

Было убито ими более 150 человек без суда и следствия, без права сказать свое последнее слово, без возможности знать за минуту смерти, что будут убиты. Все это было исполнено!... И все это вселяло ужас, который кровавым призраком гнался вслед за уходящим поездом, где жестокие мстители праздновали свою кровавую победу под стоны умирающих, избитых, израненных людей, заглушаемые грохотом и лязганием несущегося поезда и звоном бакалов „веселого пира". Полковник Риман руководствовался приказом флигель-ад'ютанта полковника Мина:—„арестованных не иметь и действовать беспощадно".

Вооруженное восстание семеновцами было подавлено, торжествующий палач Риман уехал к царю, в Царское Село, с верноподданическим докладом о своем кровавом деле.

Анатолий Вольный.

Из цикла „Майские песни"

Дождем весенним, да с лаской детской
Я сердцем брызгал песнь давно.
Разбрызгал песню я по Советской
А в песне грудь вся,—все равно...
Домой в деревню вот теперь бы
Да с Леной сено бы грести
Напевно кланялись-бы вербы
Сердцам—фиалками б цвести.

Ногою хлюпались сейчас бы
По бледно-серому серебру,
Запел в гармошку еще хоть раз бы,
Гармошкой брызнул сирень весну!
Вернулся-б в город зарницо-бегом
Мне путь лежит чрез вешний лог...
— Звени-ж гармошка весенним смехом
В груди душистых песен—стог!

ЛЕВ ЛИТВИНОВ.

Пугачево

(*Отрывки из поэмы*)

Посв. „Пугачеву“ Есенина.

Темным лесом, темным лесом.
Темным лесом, темным бором—
Шли... шли... шли... шли...
Шалый шорох, шутишь, шутишь,
Ты ль разбойничков вспугнешь?!
И—эх, ты, ми-илай!!!
Ау!.. ау!.. ау!.. ау!.. ау!..

. . . .

Мы в обители лесной деве зорьке помолились
И святой росой умылись из купели луговой,
Нам кадильницы цветов вверх струили алый ладан,
За рекою дьякон—стадо
Промычало нам молебен сквозь алтарь густых кустов:
— За путешествующих и плавающих, святый боже,
Святый крепкий, святый бессмертный—
Уйди от нас.

. . . .

Зашаталась царская изба
Как мы двинули плечом,
Как вскипела голытьба—
С ней Емелька Пугачев.

. . . .

Монгола дикого гик соколий
В чарующий смех славянства одет
Вскинул руки над мирским полем—
Зверь в правой, в левой—поэт.

. . . .

Бей, жги, режь и вой по волчьи!
Зубами впивайся в барскую спесь!
Святою босотой, и мудрою сволочью
Делай вскормленную барином месть.
Ядрена палка, что за рожи
И что за плечи в косую сажень,
Такой оравы держи-ка вожжи
И правь рулем-ка на шалой барже.
Эй, сизые голуби, босая команда,
Давай-ка вздыбим святую Русь!
Клянусь чубами, да без обмана,
Что позабудешь вчерашнюю грусть,

Что весь прольешься, как дождь из тучи,
И волей пропахнешь, как водкой — кабак,

Что в узел сердце завяжешь круче
И „Отче наш“ втиснешь в сабельный звяк.

Эй, рванные ноздри, эй, курицины дети,
Такие, сякие, и так вашу в пуп—
В лютое вылили вас лихолетие
Материны ноги в человечью толпу —
Так нужно-ль нам, нужно-ль, чтоб сукины дети
Из барских, поповских и царских плетей
Нам клали печать из кровавых отметин,
Пинали ногами, как сучьих детей.

Давайте-ж России, пречистой невесте,
Дадим муженька не из барских хором,
Ножами, ножами мы их перекрестим
И к черту отправим лихим кистенем.

Н. Е. Андерсен

АНКЕТА ГОСПОДИНА САМОВАРА

(СКАЗКА).

Он не надеялся найти здесь такую интересную компанию. Когда старший милиционер нес его на спине в мешке, а сзади, за арестованной владелицей его, со свистом и гиком неслись мальчишки, самовар был в крайнем отчаянии, ему было жалко оставленного теплого чулана, было стыдно, что его—никельный самовар—тащит на своей спине милиционер в участок, где ставит его среди разных запыленных бутылок и гниющих боченков. Единственное, что его утешало—это то, что он был спрятан в мешок и никто не видел его толстое, покрасневшее от стыда лицо.

В участке владелицу самовара посадили в один чулан, а к его крану привязали на веревочке картонку с печатью и поставили в другой.

Несколько минут в чулане было неприятное молчание.

Затем ужасно глупо хихикнула высокая с чахоточной шеей бутыль и сказала: чорт возьми, и вас сцапали, значит, и за вами грешок...—и дробно тоненьким голоском подобострастно засмеялась. Всем стало ужасно неловко и, чтобы рассеять создавшееся положение, чайник, находившийся на самой высокой полке и бывший поэтому самым уважаемым членом этого собрания, бросив раньше уничтожающий взгляд на дерзкую и невоспитанную бутыль, обратился затем очень вежливо к вновь прибывшему самовару: неправда-ли, сегодня замечательная погода!—и махнул приветливо ручкой.

Самовар, опешивший сначала от нетактичного замечания бутыли, так же вежливо ответил, и между ними завязался вполне светский разговор.

Когда он освоился со своим новым местопребыванием, чайник ему предложил, как и всем вступающим в „общество заключенных приборов самогонного производства", выполнить соответвующую анкету и устно рассказать свою автобиографию.

Самовар начал: Конечно, господа, с раннего детства я себя помнить не могу. Впервые я сознал свое существование в шикарном магазине хозяйственных предметов в Варшаве. Ах, это была пора солнечной юности! Я стоял на полке вместе со своими пятьюдесятью братьями, все одинаковые, все блестевшие своей никелляровкой и веселые своей молодостью и ярким дневным светом, лившимся на нас из большого зеркального окна. Когда владелец магазина проходил мимо нас, он всегда говорил приказчику, что мы радуем его взор своим блеском. Он был, конечно, счастлив, но и мы,—самовар взволнованно прослезился,—но и мы, юные, молодые самовары также были очень, очень рады. И вот, однажды, к нам в магазин вошел один богатый провинциал, окинул взглядом нашу полку, и, не спросив даже предварительно цены, так мы ему понравились, сказал: запакуйте мне, пожалуйста, второй с краю, я хочу подарить этот самовар моей единственной дочери, выходящей замуж.

А вторым с краю был я!

Мне пришлось наскоро попрощаться с моими братьями: с моим сорок девятым мне так и не пришлось попрощаться, потому что меня в это время завернули в бумагу и солому, запаковали в ящик и отослали с мальчиком для разносок на квартиру к этому господину, который должен был отвести меня к своей единственной дочери.

Передо мной открывалось блестящее будущее.

И вот я уже у молодоженов! Каждое утро я стою на чистеньком подносике и пою, как поет самовар, когда около него сидят счастливые молодожены, пьют чай и, обнимаясь, говорят: неправда ли, милый, какой у нас хорошенький самовар, как он хорошо, приветливо поет! После этого они, бывало, посмотрят друг на друга и начнут целоваться, а мне было очень весело, что я попал в такое хорошее семейство, что меня здесь так любят, что они меня безусловно поцеловали бы, да, господа, безусловно, если б я только не был горячим, и я гудел, и я пел и весело пускал в потолок пар. Да, это была хорошая юность. Правда, я иногда вел себя по мальчишески, но ведь я был молод, а молодым многое прощается.

Самовар вынужден был прервать свой рассказ, так как послышалось чье-то всхлипыванье.

Это, тихо дребезжа плакала знакомая уже нам бутыль, которая была глубоко несчастна, так как ей ни одной минуты не пришлось прожить по бутылочному, а всегда с опаской, как бы ее не разбили. Ей никогда не пришлось побывать в хорошем семействе, она все свое детство провела на кухне. Там с ней очень дурно обращалась кухарка, и когда денатурата в бутыли не оказалось больше, она начала держать в ней керосин и держать ее под скамьей, в темноте, среди ведер и разнокалиберных горшков. А потом, когда ее начали употреблять для самогонки! Ах, лучше уже не говорить!

Она еще долго всхлипывала, и самовару несколько раз пришлось приостанавливать рассказ.

— И вот, господа, когда я начал чувствовать себя равноправным членом семьи, случилось ужасное несчастье: люди, видите-ли, задумали войну, и вот мой хозяин должен был пойти в солдаты. Правда, он устроился писарем в штабе, но все таки...Ивы понимаете, жена плачет, смотрит на меня и плачет, а я посерел, потерял свой великолепный блеск,

так жалел хозяйку, а также и потому, что она опустила руки и ей было не до меня. Конечно, уважающий себя человек не перестает чистить самовар и тогда, когда у него на душе скверно, но ведь моя хозяйка была так молода, а ее горе так велико... А потом пошло немецкое наступление. Нашим пришлось отступить. Пошла эвакуация, и хозяйка моя, взяв меня и еще несколько необходимых вещей, также эвакуировалась. Потом события пошли очень быстро. Война кончилась для моей хозяйки неудачно.

Произошла революция, моя хозяйка поступила в машинистки и начала по вечерам ходить пить чай к ее начальнику канцелярии, а утром чай на примусе ставила. Я ей не был нужен, и вот, когда все учреждение пошло однажды на субботник, она пошла на рынок и продала меня одной знакомой даме, а эта дама продала меня своей знакомой даме, а га своей и т. д. т. д., и каждая говорила покупательнице, что она продает его из-за нужды, исключительно из-за нужды, и всегда зарабатывала на этой перепродаже.

Чего я не перевидел за это время на толчке! Меня даже один раз украли, и когда вор продавал меня, он также говорил, что продает исключительно из-за нужды и очень ругал Советскую власть.

Когда я попал к моей последней хозяйке, я был в полной уверенности, что вернулись времена моей юности и что опять потечет спокойная семейная жизнь; но увы, самовар полагает, а человек располагает! Я думал: будут в меня каждое утро воду лить, угольки сыпать, щепочки, знаете ли, горящие кидать, а я буду гудеть и радовать сердце хозяев. Но что же оказалось?

Как только наступила ночь—(ночь—это когда меня ставят в последний за день раз), хозяйка взяла меня под мышку, завернув меня, для того, чтобы не испортился мой блеск, в бумагу и, извините за выражение, в тряпки, и понесла меня к меднику.

Медник—это самый ужасный из всех встречавшихся мне людей. Когда я о нем вспоминаю, я начинаю дрожать от ужаса и негодования. Этот человек взял мою великолепную крышку, продырявил ее, вставил в нее разные нелепые трубки, а потом за мной пришла хозяйка и отнесла меня в какой то чулан,—только там было гораздо теплей, чем здесь. Там у меня из крана лился не чай, а какая-то другая, скверно пахнувшая жидкость, которую хозяйка называла..

— Самогонкой! подхватила вся комната разом.

— Да, самогонкой—ответил самовар. Ко всему можно привыкнуть.

И я привык ко своему житью-бытью. Но такова уж моя участь, что лишь только я немного устраиваюсь, обязательно—какая нибудь неприятность. Так было и сейчас. Только что, не больше двух часов тому назад, от меня отвинтили трубки и отнесли на спине сюда. В общем, здесь довольно хорошо, публика здесь довольно интеллигентная—самовар вежливо улыбнулся,—и я надеюсь, что мы здесь проведем время, как следует...

—Тов.Васильев.Принесите пожалуйста, вещественное доказательство по делу гр. Сидоровой.

— Слушаюсь!

Вошел милиционер и понес самовар в комнату, где производился допрос.

В чулане стало тихо.

М. К.

О стихах

У нас нет направления. Мы помещаем все, что носит хотя бы небольшой отпечаток талантливости. Но помещая стихотворения различных поэтов, мы не можем не принять во внимание одного обстоятельства. Это обстоятельство—то, что многие современные поэты непонятны большинству читающей массы. И это не всегда потому, что поэты оригинальничают. Часто и потому, что читательская масса в огромном своем большинстве отстала, в своем понимании поэзии от современности. А в поэзии сделано много. Огромные сдвиги. Она также, как и все теперь, переживает в течение года десятки лет. Поэзия старого умерла. И безвозвратно. Выковывается новая поэзия. Поэзия перестраивается под властную диктовку новых условий.

* * *

Мы постараемся придти на помощь читателю. Будут помещаться статьи, освещающие различные течения в современной поэзии.

Кроме того, параллельно с помещенными стихами, которые почему либо смогут быть непонятными читателю, будут помещаться отзывы о них с разбором их содержания и некоторых технических особенностей. В этом номере мы кратко остановимся на 2-х стихотворениях: на стихотворении Черта и Бродского.

I. Стихотворение Черта.

1. Содержание—Октябрьская революция. Она рассматривается с двух сторон. С одной стороны описываются образным языком события:

„Ревела ревом революции земля вбежавшая в октябрь. . . .

. . . .

Так стукнули день двадцать пятого, и т. д.

да—выругался шоффер матершиной.

А потом опять после: „Вертим, вертим земной глобус“..

С другой стороны поэт описывает суб'ективные (личные) восприятия революции различных людей.

„Как стало темно“! (обыватель).

„Ветер, Ветер“. (Блок Двенадцать, часть нашей интеллегенции).

„Вертим, вертим земной глобус“ (рабочий коммунист).

2. Особенности техники:

— Ахнул!

Поэт разломал на 2 части: 1) Ах 2) Нул. „Стукнули“ и потом начался перелом событий.

И разломом „ахнул“ поэт, захотел звуковым образом выразить этот перелом.

II. Стихотворение Бродского.

1. Содержание:

Борьба трудящихся. Контр-революция. Сокращение ее. Труд кует новую жизнь. Будущее планомерное течение жизни.

2. Особенности техники: Очень много образов. Два сильных звуковых образа. Один рисует сокрушение революции звуковыми сочетаниями (отрывок кончающихся „грох... грох“...). А затем другой. Труд кует новую жизнь. (Несколько строк: Кузнец, труд и т. д.)

Л—рг.

Группа комсомольских поэтов и писателей „Молодая Гвардия“

Когда она организовалась,—а это было всего лишь 4—5 месяцев тому назад,—к ней все отнеслись довольно прохладно. Слишком много за время революции расплодилось групп литературных, художественных и прочих. Посуществуют, бывало, такие группы неделю—другую, а потом, глядь, от кружка одно мокрое место и печальное воспоминанье осталось.

Если посмотреть, почему они не могли долго существовать, то ясно бросалось в глаза то обстоятельство, что ни одна из них не имела здорового базиса и создавались они обыкновенно совершенно искусственным образом. Соберутся несколько молодых людей и решают: чем мы хуже других? Так как они ничем, действительно, не отличаются от других, то они, считая это достаточным основанием, решают организовать, как и многие другие молодые люди их возраста, свою собственную, оригинальную литератур-

ную группу. Чтобы пустить публике пыль в глаза, они выбирают пару парней поостроумней, а иногда и понахальней и этим парням предлагается написать торжественный манифест, если не всему миру, то во всяком случае всей России.

В общем получается история с голым королем из сказки Андерсена. Манифест написан, группа молодых людей собрана, название группе дано подиковинней, иногда, если члены группы абсолютно ничем не отличаются от остальной нэповской молодежи, им дается значек на рукав их смокинга: группа „Ничевоки"—и дело в шляпе. Перед нами уже новая, оригинальная „школа"—очередная революция в искусстве. Так появлялись на свет божий группы „Ничевоков", „Фуистов", „Центрофуистов", „Московский Парнас" и проч. и проч. и проч. Имя-же им легион, продуктов разложения буржуазного искусства.

В отличие от таких групп, „Молодая Гвардия" имеет здоровый социальный базис. Она является литературной представительницей комсомольской молодежи, передовой рабочей молодежи, красной смены, будущего пролетарской России.

С понятием „Комсомол" раньше соединялось понятие чего-то чуть-ли не детского, беспомощного, безусловно нуждающегося в поддержке старших. И вот вдруг появляется группа, к которой принадлежат не только молодежь, но и старшие по возрасту, но молодые духом товарищи, которые гордо заявляют, что они—„комсомольские" поэты и писатели, что они это слово „Комсомол" считают боевым и на литературном фронте, и что они „Молодая Гвардия", идущая на литературные баррикады на помощь и смену старой гвардии пролетарской поэзии.

Эта группа имеет нескольких уже вполне выявившихся поэтов и писателей и много начинающих, но во всяком случае делающих на литературном поприще не первые шаги. Она группируется вокруг журналов: „Молодая Гвардия". „Юный Коммунист", „Юношеская Правда" и „Рабочей Газеты".

В № 1 „Молодой Гвардии" напечатана 1-ая часть поэмы члена группы тов. Александра Безыменского „Городок", в которой автор описывает яркими красками, сжатым хлестким художественным языком жизнь захолустного города во время войны до того, как „городок проснулся без царя". В сданном сейчас в печать № „Молодой Гвардии", будет помещена 2-ая часть поэмы. Это яркое художественное произведение местами переходит в большой силы сатиру, порой, когда городок начинает ощущать на себе войну, переходит в трагедию.

Это—эпопея захолустного города, брошеного в водоворот войны и не могущего справиться с ним. Тов. Безыменский написал любимую песню комсомольцев: „Вперед заре навстречу".

Если тов. Безыменский занимает определенное место в пролетарской литературе, как эпический поэт „Городка", то другой, стоящий рядом с ним, поэт тов. А. Жаров есть, главным образом, поэт лирик, зовущий:

„Товарищи, на митинг, первый вопрос о весне!" Если он слышит лекцию „сереброволосого профессора" о движущихся материках он живо представляет себе, как двинулась Америка и идет в Советскую Россию, идет, чтобы слиться с ней в единый революционный поток.

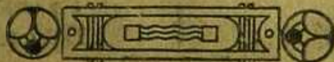
„Впрочем, об этом не говорил профессор потому, что прозвенел звонок",—заявляет т. Жаров. Он полон комсомольской жизнерадостности и энергии. „Сколько лет вам, а мне восемьнадцать",—восклицает он.—„Хорошо погулять с молодыми".

Писатель Артем Веселый—матрос. Он пишет своим крепким матросским языком прекрасные рассказы о деревенской масленице, о прошедших сквозь огонь, воду и медные трубы революции матросах.—Крепкий, живой, образный язык. Это—не рассказ стороннего наблюдателя. Он сам был в гуще событий; он ни от кого не брал своего языка, он его взял из жизни.

Об остальных поэтах и писателях мы поговорим в следующей статье.

Группой сдан в набор сборник „Под знаком Комсомола" и собирается материал для сборника „Шаги".

Группа держит тесную связь с группой пролетарских писателей „Октябрь", но об этом уже в следующий раз.

Л. ГИНЗБУРГ.

Ночь

(Из поэмы «Подполье»).

Наверно в небесах погром,
Познанцы—вьюги рвут перины снега,
И полон воздух стоном от набега,
Теперь, наверно, в небесах погром.

* * *

Метель качает дуговые фонари,
Как там за городом, верхушки сосен
в роще,
И смотрит хмуро сонным глазом
площадь
Как наверху метель качает фонари.

* * *

И снег на вывески и на карниз окон
Все падает и засыпает кровли,
И медленно растут, растут седые брови
Над вывесками и карнизами окон.

* * *

Плетутся тротуары к площадям,
Туда, где общее собрание дорог,
Как давшие безмолвия зарок,
Они плетутся каждой ночью к площадям.

* * *

Чего метель шуршит о кирпичи?
И гложет их, и просится за стену;
Наступит день и нас опять в застенок.
Так для чего ей так шуршать о кирпичи?

* * *

И как уснуть, когда уже рассвет,
Уже бледней от часового тень,
И скоро вкатится хрипящим стоном
день,
Так как ж уснуть, когда такой
рассвет.

* * *

А наверху, наверно, все еще погром,
Познанцы—бури рвут перины снега,
И полон воздух стоном от набега,
Там—наверху, наверно, все еще погром

Чепт.

Стальной огонь

Орала ревом революции
Земля, вбежавшая в Октябрь...

. . . .

. . . .

Так стукнули день двадцать пятого,
Тарарахнули,
День АХ—
нул
И попятился вспять и вспять.

. . . .

. . . .

Лопнула у автомобиля шина—
Выругался шоффер матерщиной:
— Фу, как стало в глазах темно...
— Да,—сталь сказала—„тем—ночь"...
— Ветер, ветер—крикнул Блок.
— Вертим, вертим земной глобус.

* * *

Были натянуты
Жилы все,
Визжали пули ревкомов...
Земля три года кружилася
Такой.

* * *

Потом революция волю—
Сталью на сталь.
Нужды нет,—голод,
Возстань!!!
Стальной фронт на голоде.
Рев сменился музыкой:
Революция играла на молоте
Стройно пела ВУЗами.
Визжали кусочки стали,
Электрический свет маячил...
Это было и есть восстание
Только стукнули день иначе!

* * *

Мы сегодня и злее и ближе,—
В жестоких когтях...
Стальной огонь лижет
Шестой Октябрь.

Роджерс (Г. А. Бродский)

Пороховой год.

Щитом прикрылся мир... К удару сжаты руки...
И воротом расстегнут мозг, как лед проснувшейся реки,
С проклятием несут распятым дням секиру,
И в пламенной тропе зажженные виски...

. . . .

Набухший зоб цепей ерошил рать
На выкате бойниц рубинокрасных гор..
Железосталь Урала „благодать“,
Сверкая бивнями, упрятывала клад...
Вихряся гнев давил, как косогорый горб,
Сливаясь с эхом наготы,
И взмахи с мыслями сплелись в хорале вещего труда,
Как в ярости сплетаются спруты...

И с гиком впопыхах
Толкались взад... вперед... назад...

И властоносцы грохнулись, как пни,
Кончая дни...

И враг в овраг
С крутых дорог,
С обрыва в лог,
У трупных ног:
—Грох, грох, грох...

Кудесник труд
У ценных руд,
У груд...

В копыт земли, родной Руси победами стучал,
Косяк икон и смрадный трон палил, и нес очам...

. . . .

Грыз клык и гложет небеса из труб высокосерых...

Я слышу бесноту, как вой голодных псов,
И в гриве взмыленные дни с кровавой полосой,
И песни ярости рождает властно зов...

И зыбью кварцовой бенгаливших морей
Смолу веков от численника смоет,
И в этом крылосвященном вое
Взростут сыны в распряжке матерей,
Но с волей каменной могучего прибоя..

Всегда, как и тогда...
На своде решето зрачками золотыми
Окрашивает лес, колючим рукавом,
И небо светлое барашковым кольцом
Висит и нежится в сияньи голубом..

С попоной на хребте удав поросших гор,
Сползавшей крутизной натянуты ковры..
Горят, как светляки, своей одеждой рвы...

В кристаллах зелени дубы у косогора...

И мантия небес, как блудный рог луны,
Дрожит и смотрится в раскрытые озера,
И лбы часовни с ней, и звон с палитрой грез,
И ряд осин у башенной стены..

И маска пестрого заката,—
Как скорбный серп, сгорбившийся у ската,—

Глазищем хлопнула у скал,
Дождем лучей усеявши овал...

И. Г.

Старый Запад и Молодой Восток.

Только после долгой, чрезвычайно напряженной и упорной борьбы сквозь толщину традиционных представлений и наслоений, скрывавших действительную жизнь Востока настоящего, в последние годы ярким блеском прорезались черты грандиозных революционных переломов, охвативших все страны Востока. С тех пор с захватывающим вниманием следит Европа за тем грандиозным брожением, которое должно преобразить лик Востока. На страницах научной литературы и публицистических статей, на столбцах газет появились бодрящие слова: „Новый, Молодой Восток".

Не археология и филология мертвых языков, а современная изящная литература и актуальные общественные науки, решающие вопросы современности перекинулись мостом между Европой и Азией.

С одной и другой стороны этого моста идет дружная работа слияния культур. Вековечная антиномия Запад и Восток, Европа и Азия отходит в область преданий. С тех пор как Клод Фаррер и Пьер Лоти перенесли в европейскую литературу изображение быта Востока и новых течений и явлений его, она обогатилась большим количеством оригинальных и переводных, с восточных языков произведений, изображающих Молодой Восток, а восточная литература и общественная жизнь чутко прислушиваются к тому, что говорят и пишут о них в Европе. В Турции организуется общество Пьера Лоти, и две улицы Стамбула получают в 1922 г. названия Пьера Лоти и Клода Фаррера. Но больше всего привлекает Восток общественное и научное движение Молодой, пролетарской Европы—Европы грядущего.

Не командующие классы современной Европы, упорно цепляющиеся за свое господство, из страха перед пролетариатом не только не идущие вперед, но отстаивающие все старое, от отсталого конституционализма, до умирающего на Востоке феодализма, могут быть и будут учителем молодого Востока. Его привлекают революционные мотивы европейской истории, и лирика народов Востока, как арабский поэт Амина Рейхани воспевает революцию и босоногих ея сынов.

То революция и сыны ее босоноги. Юноши ее стали непокорными мужами.
Мужи ее могучи и горды, женщины превратились в тигриц.
Ораторы ее и проповедницы красноречивы; вожди и героини мятежны.
Горе в день тот тиранам!
Возвести им об оковах и огне,—о бомбах, взрывающихся и тяжком дне,—
О том дне, когда они не запретят и не прикажут;
Когда их не отпустят и они не убегут.
Горе в день тот тиранам!

Она воспевает все революционное.

Коренные реформы общественного существования волнуют душу и заполняют умы всего пробивающегося к жизни в Молодом Востоке, и каждая теория, вне зависимости от ея содержания, называет себя социалистической. Молодой Восток тянется к социализму и настоящий социализм действительно придет—раньше как теория, а затем и как практика.

Все революционное и социалистическое в Европе ударяет по сердцу Молодого Востока, и в то время, как старая буржуазная Европа готова упрятать в мрак неизвестности свое революционное прошлое, теперь дикое и непонятное для нея самой, Европа революционного пролетариата поднимает революционное знамя прогресса, вокруг него об'единяется с революционным Востоком и учит его идти по пути прогресса, против вековечной тьмы экономического, идейного и религиозного засилия, как на Востоке, так и на Западе.

Молодой Восток на старом арабском языке перепевает мотивы революционной Европы.

„В тот день будет вручен обиженному меч обидчика согрешившего.

И даст он вкусить развратителям зной мучительного наказания,—на этой земле, а не в Геенне,

Горе в день тот тиранам от всех тигров мятежных, угнетенных!

Горе в день тот развратителям от светлой победы Красных знамен!"

Хрисанф Херсонский.

Беда провинциального театра

Из Москвы несколько часов езды до провинции.

Но от театральной московской культуры до провинциальных спектаклей—расстояние целой эпохи. В Москве мы живем 1923 годом, сядем на поезд—и через несколько часов переносимся из двадцатого века сразу в девятнадцатый, как на Уэльсовской машине времени. Здесь театр живет по своим старомодным обычаям. Играют по образцам „времен очаковских и покоренья Крыма.

Потому, что нет театральной культуры. Нет науки о театре. Нет органически взращивающей театр театральной политики. Нет в Федерации руководящего—воспитывающего центра искусства. Нет высшей театральной школы—Академии.

Мы имеем кустарничество, любительство, отдельных подвижников и мастеров, отдельные театры, живущие своими особыми закулисными традициями. Изумительный глубокий талант К.С. Станиславского и его драгоценная жемчужина—Моск. Художественный театр начинали свое дело как любители, вынуждены были не только учитьск с азов своей системе, но и с азов создавать эту свою систему. И до сих пор актер не из тесной семьи Художественного театра имеет об этой системе лишь самое поверхностное и очень часто нелепое мнение. Театральные традиции специального мастерства до сих пор передаются от мастера к подмастерьям, как в каком нибудь мелко-ремесленном кустарничестве. А науки театра, такой науки, какую ммеет, например, музыка, у нас до сих пор нет. В театре каждый актер верует в свои законы своей „игры". Именно верует, как художник, но не знает, как должен знать с непоколебимой точностью ученый своего дела.

Поэтому в умственных центрах, там, где отдельные режиссеры и артисты в соревновании и при взаимном, так сказать, обучении друг друга, делают значительные достижения,—только там сосредоточивается передовое, непрерывное движение искусства вперед.

А провинция питается гастролерами (зачастую рекламными халтурщиками), немногими подвижниками и массой своих профессионалов - кустарей, обычная манера игры многих прямо некультурна, часто безобразна, противоестественна и даже бывает вредна по своему воздействию на зрителей.

В этом не вина, а беда провинции.

Эти мысли с кричащей убедительностью заволновали меня на первом же спектакле, который я увидел в провинции после нескольких лет работы в столичном театре—на спектакле „За океаном" в „Красном зале" Минска в бенефис Е. Степной.

Я не хочу, подобно тем журналистам, о которых говорится в этой пьесе, бранить легкомысленно заслуги труда. Я искренне не могу сказать, что увидел неспособных актеров, совершенно напротив,—в спектакле участвовало несколько определенно хороших, интересных артистических сил. Но... в Москве сейчас на первом плане стоит режиссура. Мы считаем, что главное это—искусство глубоко и организованно приготовить и „подать" пьесу спектакль в целом, создать так наз. ансамбль, усовершенствовать его до точности музыкальной мелодии. Режиссер у нас прежде всего упорно воспитывает, культивирует по своему актера и на репетициях, и вне репетиций путем специальных общих бесед и занятий. В результате должен создаться спектакль продуманный, интересно созданный и отделанный до мелочей, как концертное симфоническое исполнение.

А здесь—каждый делал, что хотел и как хотел. Мне кажется, что роль режиссера свелась к элементарному мизансценированию, как говорится, в два—три счета. И если актеры так „воспитываются" режиссером непрерывно в течение многих лет, то вполне понятно, что их манера игры страдает поверхностностью, отсутствием серьезного искусства, предпочтением к штампованным приемам ремесла —„тяп, ляп и готово!",—дурным вкусом..

А ведь все это психически заражает зрителя. Всякая манера игры актеров (не только репертуар!) воспитывает в том же духе чувства и мысли, потребности и вкусы зрителя.

Театр—великий агитатор и воспитатель! Оцена и еще кино--это, в сущности,самая популярная в широких массах арена культурного движения и воспитания!

* * *

Я должен был по поручению редакции написать о бенефисе Е. Степной. Но я думаю, что для такой искренне преданной серьезной работницы своего драгоценного искусства будет сегодня лучшим приветом со стороны Советской прессы эта статья, которую я должен закончить призывом ко всем местным культурным силам—помочь своему театру. Мне кажется, что лучшей формой было-бы создание местного театрально-литературно-художественного кружка, который об'единил бы вокруг местных театров лучших деятелей просвещения и искусства, чтобы совместно с Политпросветом, Оно и Рабисом поддерживать и развивать это глубоко нужное общественное дело.

Необходима и живая связь с Москвой.

Союз Советской Великороссии и Чырвонай Беларуси должен стать не только политическим и экономическим, но и культурным.

Р. Шукевич-Третьяков.

Общий язык найден

(На вечере журнала „Полымя").

Белорусский вопрос — чрезвычайно больной у нас вопрос.

Старое „Адраджэньне" и революционный марксизм неоднократно уже доказывали друг другу свою правоту и на страницах печати, и в частных столкновениях и спорах.

Но 3 го января впервые попытались мы совместно решить,—а кто же из нас прав.

Читали и разбирали в клубе Карла Маркса первый № белорусского журнала «Полымя»,

Введение и разбор сделал профессор В. Игнатовский.

Докладчик подробно остановился на самом термине „Адраджэньне".

— Нас уверяют, что этот термин уже устарел, что от слова „Адраджэньне" отдает былым народничеством Но это не совсем так; слово „Адраджэньне" может употребляться и теперь.—Для нас, революционных марксистов, национальное возрождение не есть цель, а средство присоединить широкие массы трудящихся к революционному творчеству, строительству Советской Белоруссии.

Национальный вопрос есть для нас вопрос культурный. Наша работа в деле национального возрождения полностью вмещается в рамки культурного строительства.

Затем докладчик прочитал с примечаниями передовицу „Полымя", утверждающую, что или Беларусь будет советской, или Белоруссии вовсе не будет.

Возражений против подобной постановки вопроса не последовало даже со стороны тех старых белорусских деятелей, которые „привыкли" протестовать при каждом удобном случае.

А позднее, когда начались прения по поводу прочитанной Мих. Громыкой своей поэмы „Гвалт над формай" и критики поэта Цишки Гартного поэмы М. Чарота «Босые на вогнишчы», в которых приняли участие ряд писателей и культурных работников, получилась любопытная картина: коммунисты «блокировались» с беспартийными против „блока" других беспартийных с коммунистами.

Шукевич ополчился на Жилуновича, Смолича и Лесика, И Вайнер—солидаризировался с Я. Лесиком против Шукевича, Дыло не согласился ни с Лесиком, ни с Жилуновичем. Чаржынский громил Громыко, Балицкий О.—Ц. Гартного, Розенблюм—также и т. д.

Ц. Гартный, Смолич, Я. Лесик требовали от художественного произведения определенного революционного содержания, оттесняя форму на задний план.

Дыло, Балицкий, Шукевич-Третьяков, братья Вайнеры, молодой поэт Розенблюм, высказались за искание новых форм. Но об этом—в другом месте.

Вечер прошел весьма оживленно, продолжение разбора журнала переносится в „Дом работников просвещения".

Чему же научил нас первый вечер?

Что старые белорусские деятели „Адраджэньня" и революционные марксисты в состоянии найти общий язык. Они нашли его на устной дискуссии, найдут и на страницах „Полымя".

И. Г

Развлечения сомнительного эстетического достоинства.

Те музыкальные и литературные развлечения, которым теперь молодежь посвящает значительное количество времени, сил и энергии, есть проявление того же интереса к искусству и науке. Именно в среде молодежи общеественно организующее значение искусства чрезвычайно велико и литературно-музыкальные развлечения, которые теперь осуществляются в Минске, имеют заслуживающее внимание общественное значение.

— Если с этой точки зрения подвергнуть оценке то, что прошло перед нами в развлечениях минской молодежи, организованной в учебных заведениях и Комсомоле, то в подавляющем количестве случаев эта оценка будет не в пользу того материала, который был преподнесен.

Вот „Марш Комсомола", построенный из худшего материала музыкального и литературного творчества, из звукоподражательных, да к тому еще чрезвычайно грубых, сочетаний, без мелодии, без музыкального ритма, с перемежающимися выкриками. Неужели этот барабанный бой отражает высокие революционные и идеологические устремления молодежи, комплекс радостных ощущений и настроений, в который погружает ее мощный захват революции, ширь революционых горизонтов? Неужели только из нескольких десятков барабанов должен состоять тот оркестр, который выразит симфонию этих устремлений и настроений? Молодежь, совершенно не изведавшая до сих пор эстетического воспитания легко увлекается силой и полнотой звука, рожденного энергичным ударом в барабан, но черезчур величествен и сложен тот исторический путь, по которому ей предстоит идти, чтобы этот звук мог быть маршем ея шествия по этому историческому пути.

А вот инсценировка „Двенадцати" А. Блока. Крупнейшее явление русской революционной литературы, скрывает под внешней резкостью форм, чрезвычайно тонкую символику и яркую художественность образов. Инсценировка, даже вне зависимости от чрезвычайно плохого исполнения, абсолютно выветривает все внутреннее содержание и доводит до, ниже всякой критики стоящей, грубости и резкости внешние формы и сценически воплощенные образы. Между „Двенадцатью" А. Блока и инсценировкой, преподнесенной на одном из вечеров Комсомола, такое же расстояние, как между плохо исполненным камаринским и симфонически переданной, на народных мотивах построенной первой симфонией Калинникова.

Инсценировка „Стеньки Разина" Василия Каменского недалеко ушла от инсценировки „Двенадцати". Ширь и размах революционной голытьбы, выявленная на фоне бытовых черт ея жизни в произведений, ничуть не передается лишенными всякого намека на декламацию, перемеживающимися хоровыми и единичными выкриками.

Единственно эстетические моменты вносятся хоровым пением. Здесь, конечно, суть не в исполнении это, —дело упражнения, а в действительно эстетической тенденции. Здесь ложная бравурность и нарочитая революционность не ставится на место ритма и мелодии.

В этом смысле вполне удовлетворительно мог бы выполнить свою задачу балалаечный оркестр, если бы музыка не заменялась совсем не музыкальными фокусами.
Не потворству любви к фокусам, а действительному развитию музыкальных восприятий мог бы служить балалаечный оркестр.

Скажут, что такая черезчур строгая критика не оправдывается теми средствами и тем человеческим материалом, которыми в данном случае осуществляется искусство. Но это не верно. Верней то, что организаторы и руководители этих развлечений ушли с трудного и серьезного пути популяризации искусства на легчайший путь его вульгаризации.

Ни в какой мере не характеризует эта вульгаризация искусства современности. Энергично двинулась молодежь на завоевание науки и искусства и жадно воспримет действительно искусство, если не преподносить ей суррогаты его.

От вульгаризации к популяризации искусства нужно звать руководителей эстетического воспитания нашей молодежи.

ШАХМАТЫ

№ 1

Под редакцией Р. К. ШУКЕВИЧ-ТРЕТЬЯКОВА

* * *

Только в том случае, если наш шахматный отдел об'единит вокруг себя все шахматные силы Белоруссии, сможет он оправдать свое существование. Поэтому мы обращаемся ко всем т. т. шахматистам с просьбой связаться с нами и присылать информацию о шахматной жизни на местах, а также партии, задачи, этюды, анализы, окончания игры.

Турниры

В декабре в шахматной секции клуба К. Маркса начался турнир на чемпионат г. Минска 1922 г., в котором участвуют игроки 1-й и 2-й категории. Турнир привлек лучшие местные шахматные силы (не играют С. Розенталь, Герцык, Каляда и Петрашевский) Положение в турнире на 9 января: 1) Майзель Ю: $+12\frac{1}{2}-2\frac{1}{2}$ и 1 неоконченная, 2) Касперский А: +17,—3, 3) Шукевич-Третьяков Р: +13,—3 и 3 неоконч., 4) Штевгер А: $+16\frac{1}{2}-5\frac{1}{2}$, 5) Рейман Г: +17,—7 и 1 неоконч., 6) Майзель Л: +7—7, 7) Седашев Як: +7—9, 8) Криницкий М: $+3\frac{1}{2}-10\frac{1}{2}$, 9) Майзель Гр: $+8\frac{1}{2}$, $-11\frac{1}{2}$ и 1 неоконч., 10) Майзель Н: +11,—13, 11) Фельдман Я: $+8\frac{1}{2}-13\frac{1}{2}$, 12) Тышлер: $+11\frac{1}{2}-14\frac{1}{2}$, 13) Зайчик Х: +5—18, 14) Дубинский С: +1—18.

В январе начался турнир 2 и 3 категорий, в котором участвует 15 человек.

Главполитпросвет, Центробелсоюз, Хлебопродукт, Внешторг, Горрайком пожертвовали на призы много ценных вещей.

Партия.

№ 1. Защита Филидора.

Рейман—Я. Н. Седашев.

1. e2—e4	e7—e5
2. Kg1—f3	d7—d6
3. d2—d4	e5 : d4

Вместо 3... e5 : d4 америк. шахматист Хэнэм предлагает играть 3... kb8—d7 и на 4cf1—c4 отвечать c7—c6! (ход необходимый, т. к. иначе белые сразу получат материальное преимущество, напр: 4... cf8—e7? 5d4 : e5 kd7 : e5 6 kf3 : e5 d6 : e5 7. Ф d1—h5 и выигривать пешку). Цель маневра, рекомендованного Хэвемом, воздерживаясь от обмена, защищать центр. В партии Шлехтер—Алехин (Гамбургский турнир 1910 г.) было; 5 К b1—c3, cf8—e7 6 d4 : e5! d6 : e5 (на К d7 : e5 после мены коней следует 8Ф d1—h5) 7 К f3—g5 С e7 : g5 (если 7... К h6, то 8 Ф h5) 8 Фd1—h5 Ф d8—f6 9 С с: g5 Ф f6—g6 10Ф h5—h4 и т. д. с выгодой для белых.

4 К f3 : d4

Это лучше, чем 4 Ф d1 ; d4, как играл Марфи: после 4... К b8—c6 5 С f1—b5 С c8—d7, 6 С b5 : с 6, b7 : c6! у черных преимущество 2-х слонов.

	4.. К g8—f6
5 К b1—c3	С c8—e6.
6 Kd4: e6	f7 : e6
7 Cf1—c4	Фd8—d7
8 0—0	Cf 8—e7
9 Cc1—d5	Kb 8—c6
10 Фd1—e2	0—0—0

11 Лf1—d1. Недооценив крепость черных в центре, белые преждевременно переходят в атаку.

	11... К c6—e5
12 Cc 4—b5	C7—c6
13 Cb5—d4	Лh8—f8
14 f2—f4	Ke5—f7
15 e4—e5	Kf 6—g 8
16. Cg5 : e7	Фd7 ; e7
17 e5 : d6	Kf7 : d6
18 Ca4—b3	Лd 8—e8
19 Фe2—e5	Kd6—f5
20 Kc 3—e4	Kg8—f6
21 Ke4—e5	Kf6—d5!

Последние маневры черных коней сразу сводят на нет всю атаку белых.

22 Kc5—e4	Фe7—c7
23 C2—e4?	Kd5 : f4
24 Ke4—d6+	Kf5 : d6
25 Фe5 : d6	Kg4—e2+!
26 Kpg1—b1	Лf8—f1+!

Белые сдались.

Задача Ц. Дедерле (№ 1)

Белые: Кр e7, Ф b1, Л h5, К b5 и e5, п q4 (6).

Черные: Кр d5, Лa4 и d2. Ca8, К c7 и g1, п ab, e3, h6 (9).

Белые дают мат в три хода.

Этюд проф. И. Лейк (№ 1).

Белые: Кр d7, Фa8, Kg3, п e5 (4).

Черные: Кр d4, Фb3, cb8, п e3 (4).

Белые, начиная, выигрывают.

Главлитбел Минск. № 300—8950 Белтрестпечать